

1 А еще христиане придумали Инквизицию...

I.

Фраза, вынесенная в заголовок статьи, считается довольно сильным аргументом у любителей “позлить христиан”. Подразумевается, что одно упоминание Инквизиции способно выбить почву из-под ног защитников Церкви. Конечно, существует достаточно возражений, способных умерить пыл “обличителей”, но эта статья посвящена не апологии, а рефлексии, попытке понять, что представляет собой Инквизиция как явление, чем обусловлено ее возникновение, какие нравственные выводы мы можем сделать из событий, связанных с И..

На мой взгляд вся эта тема непосредственно связана с вопросом о необходимости строгой догматической чистоты учения для спасения души. Логика инквизитора довольно очевидна: если любое искажение ортодоксального христианского учения грозит вечной мукой тому, кто его усвоил, ересеучитель является “массовым убийцей душ”, и его необходимо остановить¹.

Поскольку речь идет о вечности, ставки чрезвычайно высоки. Дождаться покаяния от уверенного в своей правоте еретика — бесполезно и опасно. “Покаяние” лжеучителя может быть притворным, и, оказавшись на свободе, еретик вполне может приняться за старое. Отсюда следует логичный вывод: еретика лучше всего просто уничтожить, причем максимально показательным способом.

На Западе папы считали себя “гарантами веры” и потому брали на себя полноту ответственности за спасение паствы, вполне искренне пытаясь самостоятельно реализовать волю Божию (как она ими понималась). Эта попытка схватиться за меч и отстоять Господа перед лицом надвигающихся врагов, позора, уничтожения чрезвычайно соблазнительна, особенно для того, кто всей душой предан вере в Бога (срав. Мф. 26:51).

Такие попытки дорого обходятся Церкви, поскольку ни одна из них не забыта критиками христианства и постоянно используется для ее дискредитации.

II.

Исторически появление Инквизиции связано с распространением

¹“Зри, что глаголетъ, иже не токмо телеса губит? Се глаголетъ не о убийцах, ниже разбойничества и обиды творящихъ, иже точию тѣло губять, а иже глаголетъ: «Не точию тѣло губят, но и душу губять», се глаголетъ о еретицехъ и о отступницехъ: сии бо с тѣломъ душу губят, еретическими учении прельщающе православныя”. Прп. Иосиф Волоцкий, “Слово на ересь новгородских еретиков”.

ересей кафаров и вальденсов на юге Европы. Первые достаточно далеко ушли от традиционного христианства, заимствовав элементы учения у гностиков (вплоть до представлений о существовании доброго и злого богов). Вторые же были “первыми ласточками” протестантизма и отличались подчеркнуто серьезным отношением к Священному Писанию. Обе группы объединяло повышенное внимание к нравственному облику своих учителей и отвержением официальной церковной иерархии.

По мнению некоторых исследователей именно реформа, затеянная папой Григорием VII и направленная на исправление недостатков церковной жизни, привела к тому, что многие верующие перестали ограничивать свое участие в жизни Ц. только обрядовой стороной и начали уделять пристальное внимание христианской этике. При этом жизнь духовенства и монашества в X-XI веке, к сожалению, не соответствовала Евангельским нормам, что приводило к разочарованию многих мирян в католичестве. В этот момент на сцену выходят проповедники неортодоксальных взглядов, жизнь которых была внешне безупречной. Так кафарские perfecti принимали обет безбрачия, отрекались от имущества, кроме самого необходимого, вели страннический образ жизни.

Папские отлучения, постановления соборов, попытки епископов справиться с распространением ереси своими силами, даже двадцатилетняя военная кампания², направленная на подавление сопротивления еретиков в Южной Франции, не принесли желаемых результатов. Причиной неудачи были, судя по всему, особенности жизни кафарских общин. Военное поражение кафаров не означало распада “горизонтальных связей” общины: семейные, дружеские связи были основой для распространения и сохранения этого учения.

Другим важнейшим фактором, как уже говорилось, была недостойная жизнь клириков и монашествующих. Об этом свидетельствуют многие источники, в том числе протоколы допросов лиц, обвиняемых в ереси. Положение стало исправляться с появлением “нищенствующих орденов”, — францисканского и доминиканского. Кроме подражания Евангельским образцам нестяжания и благотворительности, многие монахи стали странствующими проповедниками, убеждавшими крестьян вернуться к традиционному христианству.

Впрочем, их действия не ограничились только проповедью. Именно доминиканцы стали инициаторами многих процессов

²Альбигойский крестовый поход (1209-1229).

над еретиками, занимались расследованием “горизонтальных связей”, выявлением ересеучителей, кафарских “совершенных” и передачей их гражданским властям для заключения под стражу, или казни.

Нужно признать, что методы инквизиторов были, в некотором роде, успешны. В течение небольшого времени им удалось серьезно ослабить кафаров и вальденсов. Опасность превращения юга Европы в нехристианский анклав действительно была устранена.

III.

Почему же ересь оказалась привлекательной для людей, ранее считавших себя христианами? Как уже говорилось, одним из главных моментов, привлекавших новых адептов, был пример аскетической жизни, который демонстрировали “perfecti” (последователи кафарства, ставшие “посвященными”). У кафаров не было жесткой коррумпированной структуры, характерной для католической церкви. В кафарстве иерархия практически полностью отсутствовала.

Вероучение кафаров также было понятнее для простых людей. В нем не было жесткого догматизма, вечной муки, пугающих санкций за самые малые проступки, необходимости каяться и возмещать свои “грехи” материальными пожертвованиями в пользу церкви (практика индульгенций). Не было продолжительных церковных служб, правил, постов. Не существовало жесткого надзора за религиозной жизнью членов кафарской общины, попыток ее контролировать.

Учение кафаров было достаточно простым. В нем отсутствовало сложное учение о Троице, о предопределении, о системе сверхдолжных заслуг. С другой стороны, примитивный дуализм кафарства был вполне понятен крестьянам: добрый бог помогает простым труженикам, “добрым людям” (самоназвание кафаров). Злой бог, источник лжи и насилия, всеми силами борется с добрым (разумеется, кафары считали, что католическая церковь — на темной стороне).

Важной особенностью многих еретических движений было стремление к переводу Писания на родной язык³. Гетеродоксы боролись с Церковью, используя Евангелие (и Св. Писание в Целом) в качестве оружия, часто пользуясь примитивными спекуляциями, буквальным прочтением метафор, искажая смысл высказываний.

³использование родного языка давало им явное преимущество перед католиками, читавшими Писание на латыни.

Эта черта повторяется на Руси. Так, в Новгороде архиепископу Геннадию пришлось инициировать большой проект по созданию полного корпуса библейских книг с целью противостояния жидовствующим, которые так же как и европейские кафары и вальденсы использовали Писания для атак на Церковь.

IV.

К сожалению, литературная и переводческая деятельность, наряду с проповедью ортодоксии не стали единственными средствами борьбы с ересями в Московском царстве.

Как известно, в XV веке спор иосифлян с нестяжателями касался не только монастырского землевладения, но и методов борьбы с ересью жидовствующих. Так, отстаивая необходимость “предания еретиков градским властям” автор “Просветителя”, прп. Иосиф Волоцкий, приводит в пример св. Льва Катанского, который согласно житию для демонстрации истинности своей веры взял еретика за руку и вошел вместе с ним в огонь костра. При этом сам святитель остался невредим, а еретик сгорел⁴. В этом и других подобных эпизодах Волоцкий игумен видел подтверждение правильности своей позиции: еретиков, даже покаявшихся, следует предавать для заключения и казни (в т.ч. через сожжение) “градским властям”.

На это в заочной полемике ему довольно запальчиво возражают “кирилловские старцы”. Смысл их ответа в том, что к грешникам необходимо проявлять евангельское милосердие, а самому Иосифу для большей убедительности его речей неплохо было бы продемонстрировать силу молитвы, подобную той, которой обладал Лев Катанский⁵.

Этот эпизод выглядел бы занятным примером эпистолярного красноречия, если бы историческим контекстом этой полемики не было реальное сожжение людей по обвинению в ереси. Также можно рассуждать о политической подоплеке произошедших в нач. XVI века казней, но официальным обвинением казненных (выдвигавшимся впоследствии и против прпп. Максима Грека,

⁴“Тако же святыи Лев, епископъ катаньскый, Лиодора еретика преже не осуди на смерть. Но егда видѣ его пришедша къ церкви, нѣкоторыя мечтания творяше, яко да благочествующая прельститъ, онъ же изыде изъ церькви и сотвори Лиодора огнемъ сожжена быти, и паки вниде въ церковь и соверши божественную службу”. Тамже.

⁵“А Левъ, господине, катанский епископ, Леодора волхва петрахилью связа и соже, и другаго волхва Сидора такоже молитвою соже при гречестем цари. И ты, господине Осифе, почто не испытаешъ своей святости? Не связа Касиана архимандрита своею мантиею, донележе бы он сгорѣлъ, а ты бы въ пламени его связана держалъ! И мы бы тебя, яко единого от трех отрок, из пламени, изшедша, приняли”. Ответ Кирилловских старцев.

Дионисия Радонежского) было обвинение в ереси. А потому все совершившееся следует рассматривать как религиозного рвения иосифлян⁶, сближающего их с европейскими инквизиторами.

Отмечу еще один важный момент. Среди цитат из Священного Писания, приведенных Волоцким игуменом, преобладают ветхозаветные тексты. Среди прочих эпизодов особое внимание автора привлекло уничтожение Моисеем евреев, отливших золотого тельца, уничтожение ханаанских городов Иисусом Навином, заклятие прор. Илией языческих пророков. На мой взгляд использование именно этих цитат — вполне устойчивый признак, характерный для сторонников “необходимого догматизма” и инквизиторских методов.

Новый Завет чужд воинственного пафоса ветхозаветных текстов. Воплощение Христа, Его распятие и смерть полностью переворачивают логику отношений Бога и человека. Если раньше Бог рукой избранного народа казнил грешников, то в Новом Завете грешники казнят Бога на позорном Кресте.

Как после этого мы можем продолжать мыслить в логике Ветхого Завета? После того, как Иисус остановил Иоанна и Иакова, хотевших низвести огонь с неба, после того как Он велел Петру вложить меч в ножны и исцелил усеченного, после того, как Он простер Свои руки на Кресте, чтобы “всех привлечь к Себе”, включая Своих учителей?

Пытаясь отклонить эти сомнения, Волоцкий игумен приводит хрестоматийный пример из Деяний св. Апостолов, где описывается смерть Анании и его жены Сапфиры, солгавших Св. Духу и утаивших часть проданного имения (Деян. 5:1-11). По мнению Иосифа ап. Петр фактически убивает этих людей (“сотвори их издохнувши”, “словом и силою, данную им от Святаго Духа, смерти предаст”). Однако, внимательное прочтение данного эпизода показывает, что ап. Петр лишь открывает перед всеми обман Анании и Сапфиры и предсказывает их смерть. Апостол не произносит никаких слов, которые были бы “триггером”, заклятием. Казнь грешников совершается Богом, а Петр выступает как возвеститель Божественного Суда.

Ощущая сложность использования данного эпизода для подтверждения правильности своих взглядов, Иосиф старается доказать, что казнь с помощью оружия равнозначна Божией, совершенной по молитве праведника, что выгладит достаточно

⁶Так называли учеников и последователей Иосифа Волоцкого. Крайности их позиции и жесткость их действий стали причиной, по которой кн. Андрей Курбский называет их “презлыми иосифлянами”.

странно. В его рассуждениях и примерах (в т.ч. явно апокрифического характера) присутствует ряд других натяжек. Другими словами, в этом сочинении имеет место попытка представить христианство агрессивным, сеющим смерть и проклятие для всех несогласных, активно привлекающим (и даже принуждающим) государство к гонениям на инакомыслящих.

Последняя идея заимствуется из послания ап. Павла. Описание роли государственной власти для борьбы со злом. Какова основная проблема? Государство пользуется определением преступления, предусмотренным в законе. Для того, чтобы государство сделалось орудием расправы с еретиками, необходимо, чтобы оно рассматривало религиозные взгляды граждан как предмет своих прямых интересов, как предмет действия законодательства. Представлял ли Волоцкий игумен и другие сторонники привлечения “градских властей” к процессам над еретиками все возможные последствия такой “симфонии”? Например, перехват инициативы в определении сущности религиозного преступления и практик его обнаружения, преследования? Перед нами раскрываются перспективы тотального контроля за взглядами отдельных людей, уничтожение гражданских и личных свобод, свободы совести. Сращивание государства и Церкви.

IV.

Все вышесказанное не означает, что мы должны равнодушно относиться к вопросам исповедания веры. Речь о методах, которые мы используем, оставляя свою правоту. Не является ли обращение Церкви к грубой силе свидетельством слабости позиции? В нашем распоряжении есть сила слова. Евангельская истина, звучащая из уст благочестивого проповедника — сильнее пушек и Инквизиции. Неужели мы уже не верим в это?

Следует ли вообще принимать помощь гражданских властей, желающих помочь Церкви в ее борьбе за чистоту веры? Возможно, этот вопрос вскоре станет бессмысленным, но я все же попробую порассуждать на эту тему.

Какими соображениями руководствуется власть, предоставляющая такую помощь? На какой ответ Церкви она рассчитывает? Не влечет ли эта помощь за собой требование лояльности ко всему, что предпринимает эта самая власть, и, таким образом, к утрате Церковью доверия, авторитета у обычных людей, не связанных с властью?

Применение насилия в отношении инакомыслящих может и должно бумерангом ударить по самой Церкви. Не только в результате смены политической конъюнктуры и прихода к

власти людей, не пылающих любовью к Православию. Репрессии оставляют за собой след, от которого уже не избавишься. Эти действия, связанные с насилием, тяжелым бременем ложится на церковное самосознание, лишает проповедь дерзновения.

Бог никому не делегировал Свое право давать и отнимать жизнь. Приемший меч...

Кратко изложим аргументы против преследования по религиозному признаку:

1. Такие преследования противоречат учению Евангелия о любви к ближнему
2. Святоотеческая традиция знает примеры разного отношения к заблуждающимся.
3. Они противоречат общепринятому представлению о свободе совести, как неотъемлемому праву человека.
4. Изменение сознания. Я считаю, что религиозное сознание человечества в целом меняется, и меняется оно в соответствии с нашим мироощущением. Вероятно, наша вера слабее, мы менее ревностны, чем те же доминиканцы, которые вполне искренне считали, что поскольку они ведут войну за души кафаров с самим дьяволом, в этой борьбе все средства хороши.
Сегодня мы более чутко относимся к человеческим страданиям (особенно после ужасов второй мировой и холокоста). Почему ценой спасения одних должна быть смерть или жестокие страдания других?
5. Трагичность И. в том, что слабость жизни духовенства сделала необходимой применение самых радикальных мер для того, чтобы вернуть разочарованную паству к христианству.
6. Неспособность убедить. Проигранный поединок умов ведет к реваншу с помощью грубой силы.

IV.

Основной мотивацией христианина должен стать не страх геенны огненной, а любовь и доверие к Богу. Мы не можем брать на себя осуществление Промысла Божия. Именно в этом нас обвиняют критики христианства. Необходимо направить усилия на исправление себя и Церкви, в той мере, в какой нам это дано.

Закончу эту статью тем, что мы приближаемся к опасной границе, когда недовольство верующих людей (как воцерковленных,

так и стоящих на пороге Церкви) духовенством, недостатки в области религиозного образования, миссионерства, организации жизни общин приведет к тому, что Православие в нашей стране может уйти в прошлое.

Перефразируя цитату из известного кинофильма: “Вы иеговистов видите? ... А они есть!”.

Итак, с точки зрения последовательного сторонника “необходимого догматизма”, цели и методы И. — абсолютно оправданы и действенны. Поэтому в последнее время, когда я слышу высказывания в духе христианского фундаментализма, обычно задаю вопрос: Вы согласны с необходимостью казни еретиков? Чаще всего ответом является либо молчание, либо попытки уйти от ответа. К счастью, сегодня огромное большинство клириков и мирян уже не готово идти до конца в своем догматизме. Еще несколько веков назад дело обстояло иначе.

-
- Использование насилия означает неспособность переубедить (в том числе личной жизнью).
 - Ответы: а) Не так много жертв (Кураев) б) Ц. непосредственно не участвовала в казнях. Предание “градским властям”. в) гипотеза религиозного прогресса. Никто из студентов семинарии еще не одобрил сожжение еретиков.

Необходимость High moral ground.

Полемика Иосифа с нестяжателями.

“Вы иеговистов видите? ... А они есть!”

Мф. 26:52-54 Взявший меч, мечом погибнет. Попытка осуществить действие во имя Бога, даже защитить Бога.